

Тук-тук, тук-тук, — проснулся я от негромкого звука в комнате в шесть татами с целой стеной книжных полок и витражными вставками в верхней части окна; сквозь них на мой футон, минуя шторы, падают подкрашенные лучи света.

Я вскочил, словно пружиной подброшенный. Сердце бешено стучит.

— Точно... Я вернулся!..

От нахлынувших эмоций перехватило в горле. В этот момент по стеклу окна опять постучали. Отдернув штору, я увидел на подоконнике трех птичек красивого синего окраса. Когда я открыл окно, они хором сказали:

— С возвращением!

— Ха-ха!

Тот памятный день год назад, когда я еще не представлял себе, куда попал, и, проснувшись, решил, что собственный обморок после встречи с Домовладельцем мне приснился, начался как раз с приветственного «Доброе утро» этих птичек.

Подумать только. Целый год прошел. И я вернулся. В Особняк нежити!

— Я дома! — сообщил я птичкам и всем потусторонним обитателям Особняка нежити.

Я дома! Я вернулся. И безумно этому рад.

Меня зовут Юси Инаба. Скоро я пойду во второй класс бизнес-колледжа Дзёто.

После смерти родителей я три года, пока учился в средней школе, жил у родственников, затем поступил в Дзёто, но не успел толком порадоваться, ведь у колледжа было общежитие, как узнал, что оно сгорело дотла. Не желая оставаться в доме дяди, я бросился искать себе жилье и, словно ведомый чей-то невидимой рукой, оказался здесь, в общежитии «Котобуки».

Старый-престарый двухэтажный дом в западном стиле, смотрящийся довольно странно посреди обычного городского района, уже одним своим экстерьером заслуживает прозвища «Особняк нежити» (и действительно, соседи между собой зовут его именно так, может, они вообще не в курсе, что он называется «Котобуки?»), но здесь и правда живет самая настоящая нежить.

Его Домовладелец — Черный Бонза, с огромным, похожим на черное яйцо, туловищем, облаченным в белое кимоно, и несоразмерно маленькими ручками, держащими большой гроссбук.

За то, чтобы обитатели общежития всегда были вдоволь и вкусно накормлены, отвечает повар, она же руки-привидение Рурико-сан. При жизни она мечтала открыть собственный ресторанчик, и у нее что ни блюдо — то настоящий кулинарный шедевр.

Обладательница шикарного тела фотомодели Марико-сан, привидение, отказавшееся отправляться на небеса и работающее воспитательницей в яслях для нежити. Среди ее воспитанников маленькие привидения и дети нежити. Если есть общежитие для нежити, почему не быть яслям? Существует же специализированная больница для сверхъестественных существ с отделением «духовной терапии». Наверняка где-то работает и школа для нежити, просто я о ней еще не слышал.

Нежить по сути, но занимающий пост финансового директора крупной косметической компании Сато-сан.

Буся и Бела, привидения ребенка и собаки. Буся, погибший от рук издевавшейся над ним матери, сейчас купается в любви и внимании обитателей общежития и ждет часа, когда его душа сможет упокоиться. Не отходящая от него ни на шаг Бела — «приемная мама Буси». У Буси есть еще одна приемная мама — Аканэ-сан, ходящая на задних лапах волчица, духовное животное-слуга Лесного Бога.

Казалось бы, уже одних их хватит за глаза, но в общежитии живет еще много малопонятных привидений и нежити.

Вечно занятая уборкой Судзуки-сан, садовод-любитель Ямада-сан, здоровающаяся и прощающаяся в прихожей Ханако-сан, постоянно режущиеся в маджонг в гостиной они, неподвижно сидящий в столовой дедушка и многие-многие другие самые разные создания: ползающие, парящие, с тенями сливающиеся, свет излучающие и так далее.

Получается, спросите вы, людей здесь нет? Отнюдь, есть. Вот только в оригинальности они ни одной нежити не уступят.

Начнем с поэта и сказочника Рэймэя Иссики, что живет здесь уже больше десяти лет. Лицо у него невыразительное, с мелкими, точно ребенком нарисованными, чертами, но из его уст порой можно услышать столь глубокомысленные вещи, что дух захватывает. Не зря его стихи считаются крайне сложными для понимания, а сказки для взрослых отличаются особенной эротичностью, благодаря которой этот уникальный автор нажил себе не одного сумасшедшего фаната.

Акира Фукасэ, старинный друг Поэта. Популярный художник-авангардист, на вид — вылитый член банды байкеров, часто путешествует на мотоцикле в компании верного пса Сигара и регулярно устраивает погромы на своих выставках (среди его поклонников есть те, кто

специально приходит на это посмотреть).

Уехавшая из родного Кансая, чтобы начать самостоятельную жизнь Акинэ Куга-тян. Скоро пойдет в третий класс старшей школы Таканодай. Мечтает стать экзорцистом. Желая отточить врожденные экстрасенсорные способности, она сначала обучалась в додзё у себя на родине, а теперь проходит практику в отделении духовной терапии больницы Цукиноки. Днем она ходит в школу, а ночью отрабатывает целую смену в больнице, спит всего ничего, ест за троих и всегда полна энергии.

Таинственный экстрасенс Рю-сан. Высокий, худощавый, с длинными, убранными в хвост волосами, одет всегда в длинный черный пиджак и черные штаны, и на лицо так красив, что в пору решить, что он как-то связан с модельным или шоу-бизнесом. С его приходом в общежитие до того момента бесстрашно галдящие потусторонние создания немедленно затихают и расступаются перед ним, как море перед Моисеем, — вот что значит по-настоящему могущественный экстрасенс. Поэт, правда, говорит, что он «наверное, человек», но личность его столь загадочна, что так это на самом деле или нет — до конца не ясно.

Продолжая тему загадочности, упомяну Антиквара. Сероглазый, с тоненькими усиками и свободно владеющий японским языком иностранец (национальность неизвестна), что путешествует между измерениями и занимается сомнительной торговлей древними сокровищами Запада и Востока. Его постоянно сопровождают пятеро или шестеро коротышек-слуг, он то внезапно объявляется, то также незаметно исчезает, и периодически пристает с предложением приобрести у него то «слезу русалки», то «рог единорога». Совершенно не похож на человека, но, кажется, все-таки человек.

Как вам? Не правда ли, достойные кандидатуры для обитателей Особняка нежити?

Благодаря всем этим существам и людям мое прежнее представление о мире разбилось вдребезги. Потеряв родителей и натерпевшись лишений в доме родственников, я решил во что бы то ни стало в одиночку противостоять жестокому миру и несправедливой реальности, тем самым вогнав себя в очень узкие рамки. Но они не оставили от них камня на камне, научив меня, что настоящий мир намного, намного больше, и я должен широко открытыми глазами смотреть в собственное будущее, на открывающиеся передо мной возможности.

Однажды я покинул особняк, желая вновь стать «нормальным человеком», но, задавшись вопросом «А что такое «нормально»?», я пришел к выводу, что обязан сюда вернуться. Что хочу познать мир людей, глядя на него с их точки зрения.

После переезда из особняка в прошлом сентябре минуло полгода. Стоило начаться весенним каникулам, и я тут же собрал вещи и примчался назад. Все здесь были мне рады и вели себя так, будто откуда-то знали, что я именно так и поступлю.

«Эх, какой же вчера Рурико-сан приготовила ужин... просто умопомрачительно вкусный...»

Сегодня и отныне каждый день я вновь смогу наслаждаться блюдами, олицетворениями мечты Рурико-сан. При одной мысли об этом у меня заурчало в животе.

Из окна виден палисадник Особняка нежити. Сакура в полном цвету прекрасна. В здешнем саду только отцветет один сорт сакуры, как тут же распускаются бутоны другого, и так несколько раз, в общей сложности цветением сакуры можно любоваться целый месяц. Притом что дерево всего одно.

Мне говорили, территория особняка прикрыта особым полем, и здесь накладываются одно на другое многие измерения. Кстати, подземный термальный источник тоже на самом деле находится в другом измерении. Неудивительно, какая тебе пещера с термальным источником посреди жилого квартала.

В самом особняке тоже хватает комнат, где я еще ни разу не бывал. И далеко не со всеми его обитателями успел познакомиться. Сейчас я с нетерпением жду новых встреч с существами и людьми. И вообще, предвкушаю любые грядущие события.

— Но перед этим — завтрак. Завтрак прежде всего!

И сегодня Судзуки-сан усердно надраивала коридор.

— Доброе утро!

В ответ на мое приветствие внешние уголки глаз на напоминающем маску Отафуку улыбающемся лице Судзуки-сан еще сильнее опустились, и она мне поклонилась.

У зеркала перед раковиной мне встретился наводящий последний лоск Сато-сан в темно-синем костюме.

— Доброе утро, Юси-кун. Каникулы, а ты так рано.

— Доброе утро! Как же я могу пропустить завтрак Рурико-сан!

— Рурико-тян по первому требованию приготовит тебе что-нибудь горячее, — улыбнулся своими узкими глазами Сато-сан, он же один из директоров крупной косметической компании «Суар», проработавший там уже двадцать лет. Сато-сан уже много десятилетий, притворяясь человеком, переходит из одной фирмы в другую. Ему нравится «жить, как человек».

В столовой витали аппетитные запахи. Поэт и круглый коротышка Ямада-сан уже завтракали.

— Доброе утро!

— Доброе утро, Юси-кун. Как первое пробуждение в особняке после долгого отсутствия?

— Вчера я так перевозбудился от радости, что не сразу смог заснуть.

— Какой впечатлительный.

Все засмеялись. Почувствовав у ног чье-то присутствие, я опустил взгляд и встретился глазами с Бусей и Белой. Я взял Бусю на руки.

— Давненько не виделись, Буся. Как жизнь?

Если подумать, какая может быть жизнь у привидения, но не спросить я не мог. Поглаживая Бусю по голове, я наслаждался прикосновением к коже его мягких коротких волос. Над пухлыми румяными щечками на меня, не отрываясь, смотрели большие и блестящие, как бусины (поэтому Поэт и назвал его Бусей), глаза. Буся не говорит, но я чувствовал, что он мне рад. Доказательством этого служил тот факт, что он то и дело на меня поглядывал.

— Позавтракаем вместе, а?

Не выпуская из рук Бусю, я сел рядом с Поэтом. И слегка покраснел, почувствовав на себе насмешливые взгляды всех присутствующих.

Итак. Первый за полгода завтрак Рурико-сан...

Сушеные айю, яичные рулеты, вареные молодые побеги бамбука, голубцы из молодой капусты, мисо-суп из саланксов. На закуску — маринованная капуста. И, разумеется, свежеприготовленный переливающийся на свету рис.

— Ого... Да уж, сразу чувствуется, весна!

— Еще как чувствуется! Особенно в этих мягчайших бамбуковых побегах!

Знакомые из морской и лесной нежити регулярно поставляют в общежитие сезонные продукты. Оказывается, довольно много сверхъестественных созданий занимается земледелием и рыбной ловлей. Возможно, они даже продают свою продукцию на обычных человеческих рынках.

— Как вкусно! Рурико-сан!

Молодые побеги бамбука и капуста аппетитно хрустят. Вчерашний суп из саланксов тоже был вкусный, но и мисо-суп получился потрясающим! Настоящий весенний вкус. Крепкий наваристый бульон с насыщенным ароматом специй — главный козырь Рурико-сан.

На кухне Рурико-сан, которая представляет собой одни кисти рук, смущенно потерла пальцы. Для нее нет большего счастья, чем слышать, как хвалят ее стряпню. Она умерла, так и не сумев исполнить эту мечту.

— Впервые пробую сушеные айю. Оказывается, они совсем не пахнут.

— Не ешь все, оставь с половину, зальешь потом зеленым чаем.

— О-о, мне нравится эта идея!

— Ох, эта маринованная капустка — просто высший класс!

Все было так вкусно, что какое-то время я только и знал, что челюстями работать, а о Бусе совсем забыл. Отрезав кусочек яичного рулета, я предложил его Бусе. Он привидение, поэтому обычная пища ему без надобности. Но кто же откажется от вкусностей? Вот и Буся молча на меня уставился: «Еще!».

— Я дома! Доброе утро! Как же кушать хочется!

После полной ночной смены в больнице для нежити (правда, понятия не имею, чем она там занимается) и всего трех часов сна в общежитие вернулась Акинэ-тян. И, как всегда, энергии ей было не занимать.

— Мамочки, эти голубцы такие вкусные, с ума сойти!

Акинэ-тян, всегда едящая за троих, с поразительной скоростью принялась расправляться с содержимым своих тарелок. Наверное, не найдется другой такой старшеклассницы, уминающей за завтраком три плоски риса с горкой (а потом еще в качестве десерта съедающей огромный ан-пан).

— А ты все ешь так, что любой мужик обзавидуется, Акинэ-сан.

— А тебе, Юси-кун, надо больше есть! Не видела тебя всего ничего, а ты уже успел исхудать.

— Потому что нигде не кормят так, как здесь, — усмехнулся я.

С отъезда из общежития прошло полгода. За это время случилось немало плохого. Но, думаю,

как раз поэтому я смог сюда вернуться.

— Ну, пора мне на работу выдвигаться.

Зажав под локтем папку-портфель для документов, Сато-сан ушел.

— Хорошего дня!

Я залил оставшиеся айю чаем, Акинэ-тян накладывала себе третью щедрую порцию риса. Поэт, покончив с завтраком, неторопливо пил зеленый чай, Ямада-сан читал спортивную газету. Привычное, ничем не отличающееся от других утро. Как же меня это радовало!

Веранда перед гостиной засыпана лепестками сакуры, когда садишься там, легкие наполняются ее ароматом. Воздух все еще немного прохладный, но солнце пригревает, и цветущая сакура на фоне голубого неба очень красива.

Буся мирно спит, положив голову вместо подушки на свернувшуюся клубком Белу. Играющих в маджонг óни нет, и в гостиной как-то особенно тихо. Я вытянулся на досках веранды, и мне на лицо упал лепесток сакуры.

«Эх... красота...»

Стараюсь прочувствовать в полной мере переполнявшее меня счастье, что и породило эту беспечную мысль. А пока я рассеянно любовался сакурой, на одной из ее веток закачалась, повиснув вниз головой, женщина в кимоно и с распущенными длинными волосами. Она посмотрела на меня.

Что говорить, особняк в своем репертуаре. Нежить с плохими намерениями сюда зайти не может, поэтому эта женщина явно не злой дух. Но все же не могла бы она прекратить висеть, покачиваясь, точно труп?

Дрр-дрр-дрр! — слышу звук двигателя мотоцикла. Художник вернулся из очередного путешествия. Я стремглав бросился в прихожую.

— Акира-сан!

— О, Юси!

— Я до!..

Договорить я не успел — оказался сбит с ног верным псом Художника Сигаром. Сигар, в предках у которого настоящие волки, если встанет, в высоту будет сантиметров сто шестьдесят. А весит он пятьдесят килограмм. Придавив меня всей своей массой, пес принялся рьяно вылизывать мне лицо.

— Хватит! Хватит, Сигар! Перестань! Ну перестань же!!!

Его хозяин — высветленные взлохмаченные волосы, мотоциклетный костюм из черной кожи, покачивающийся на груди жетон американской армии, в общем, натуральный член банды байкеров — насмешливо улыбнулся. Сигар тоже явно отлично меня помнил.

— С возвращением, Фукасэ.

— О, Рэймэй. А у меня презент, держи!

— О, местное саке?!

— Потрясная штука, скажу тебе. И сразу предлагаю хлопнуть по рюмочке. А это для Акинэ и тебя, Юси! — Художник бросил мне какой-то сверток.

— Ух ты! Соба!

— Тоже пальчики оближешь! Попроси Рурико-сан приготовить.

— Уже слюнки текут!

— А-а, Акира-сан. С возвращением!

— Акинэ-сан! Соба! Соба!

В самый разгар нашего галдежа вдруг явился он.

— Добрый день! Давно я к вам не захаживал!

Длинная и худая фигура, облаченная в синее кимоно с мелким белым рисунком. Спереди — темно-синий фартук, на котором нарисован белым круг с иероглифом 葯 («лекарства») внутри, а

за спиной нечто объемное, завернутое в коричневую ткань. На ногах — гетры и дзори, прямо настоящий коробейник из прошлого. Если бы не...

— А-а, Аптекарь! Здравствуйте!

Лицо этого названного «Аптекарем» мужчины (?), под (тоже старомодно) повязанным на голове темно-синим платком...

«Хэнохэномохэдзи?..»

Я остолбенел. Его лицо представляло собой точно изображенное на белой бумаге «хэнохэномохэдзи».

— Здравствуйте. Сколько ж воды утекло с моего последнего к вам визита.

— Вы очень вовремя. У меня как раз лекарства заканчиваются.

— А, и у меня.

— У вас, Фукаэ-сан, заживляющее всегда быстро заканчивается.

Аптекарь подошел к веранде и развернул свою ношу. Под тканью оказался большой плетеный чемодан.

— Ой, меня же Рю-сан просил кое-что у вас купить. Я сейчас сбегаю за списком, — с этими словами Акинэ-тян унеслась на второй этаж.

— Так-так, а вас, юноша, я вижу впервые.

Он повернулся ко мне своим хэнохэномохэдзи-лицом. Ну точно, как ни посмотри, а это было хэнохэномохэдзи.

— В прошлом году он уже жил здесь полгода. Вчера вот вернулся. Зовут Юси Инаба-кун.

— Как я вас понимаю. Здесь чудесно.

— Это Аптекарь. Приходит сюда раз-два в год.

— Приятно познакомиться!

— З-здрасьте.

— У него очень действенные лекарства. Может, приобретешь себе что-нибудь, от расстройства желудка, например, или заживляющее, а, Юси-кун?

— Спасибо большое за ваши добрые слова, Иссики-сан! — мужчина с хэнохэномохэдзи-лицом низко поклонился. Для торговца, возможно, его манеры были безупречны, но вот...

— У тебя щека дергается, Юси. Хочешь что-то сказать? — закусив губу, чтобы не рассмеяться, ехидно спросил Художник.

— Да... А, простите... Аптекарь?..

— Да, слушаю?

— А... ваше... лицо... это... м-маска?

На мгновение воцарилось странное молчание, а затем Аптекарь рассмеялся.

— Ой, надо же, как стыдно. Да-да, это маска!

— А, я так и знал! Вот оно что! Маска!

Мы вдвоем захохотали... но...

«А зачем она вам?!» — спросить я так и не решился.

Аптекарь снял с головы платок, и стало ясно, что на его лице действительно была маска с рисунком «хэнохэномохэдзи». Сама голова сидела на удивительно длинной и тонкой шее и была вытянутой овальной формы, а из ее макушки — такой бледной, что цвет кожи сливался с маской — торчали три волоска.

— Все-таки эта маска уже такая старая. Надо бы заменить на что-нибудь новенькое, — с искренним смущением в голосе посетовал Аптекарь.

Нет! Проблема совсем не в этом!

— А мне нравится! — возразил Поэт, у которого лицо тоже словно ребенок рисовал. Художник тем временем хохотал в голос, держась за живот.

Лекарства, продаваемые Аптекарем, понятное дело, отличались от тех, что можно увидеть в городских аптеках, с первого взгляда было ясно, что они домашнего приготовления. Другими словами, к нам пожаловал «Коробейник из Тоямы».

— Так, это «сороконожное масло», заживляющее, чтобы смазывать раны. Это «ообаку» — от расстройства желудка, принимать по три крупы за раз. Они у меня уже расфасованы, запивать горячей водой.

В итоге я все-таки приобрел то, что посоветовал Поэт. Оба препарата стоили каких-то пятьсот иен. «Сороконожное масло» оказалось желтой мазью в плоской круглой баночке из серебра, а «ообаку» — маленькими черными гранулами в полупрозрачных бумажных конвертиках по три штуки в каждом.

— Смотри-смотри, — сказал мне при этом Поэт. — Настоящая парафиновая бумага. В городских аптеках и в больницах ее уже почти нигде и не встретишь. А так приятно ее разрывать!

— Хм, даже так...

Своим внешним видом эти напоминающие препараты традиционной китайской медицины лекарства производили сильное впечатление. Вообще все содержимое плетеного чемоданчика было мне в новинку. Какие-то корешки в баночках, пузырьки с подозрительного цвета жидкостями, и ни одной пояснительной надписи, что это, для чего — ни малейшего предположения. Сплошная тайна!

— Это «медведеубивец». Афродизиак.

— А по названию не скажешь!

— Есть и ингредиенты для приготовления лекарств. Вот это — сушеные оболочки цикад.

— И... в каких лекарствах они используются?

— Против мирингита. Их нужно потолочь, а потом смазывать больное ухо.

— Ого! — восхитился я.

Поэт, глядя на меня, с улыбкой сказал:

— Магия натуралис... что называется. Естественная магия, пользующаяся плодами природы. Врачи в старину занимались именно этим.

И вновь его слова заставили меня глубоко задуматься. Все лекарства, что продает этот Аптекарь-коробейник, сделаны из натуральных ингредиентов. Когда-то все люди именно так и лечились.

— Вы, наверное, только с нежитью дела имеете? — любопытно спросил я.

Аптекарь с хэнохэномохэди-маской кивнул. Мне кажется, или я начал различать смену выражений на этой маске?

— Нежить ведь тоже болеет и получает травмы, но среди них есть такие, у кого продукция фармацевтики вызывает отторжение. Хотя и среди людей покупателей прибавляется. В последнее десятилетие.

Лекарственные средства, произведенные химическим способом, и у людей, бывает, вызывают отторжение. Аллергические реакции — настоящий бич современного общества. А вот в прошлом ничего подобного не было.

— Нашла записку. Так, сейчас... — Акинэ-тян вернулась со списком, оставленным ей Рю-саном. Интересно, что покупает могущественный экстрасенс?

— Обугленные ящерицы, глаза лягушки, сердце тритона и крылья летучей мыши, печень ядовитой змеи...

— Да-да, все есть.

Из недр чемодана одна за другой появлялась все новая жуть.

— Рю-сан что, собирается черной магией заняться?

— От этих экстрасенсов никогда не знаешь, чего ожидать, — легкомысленно улыбнулся Поэт.

— Кстати, я тогда сразу «сороконожным маслом» и воспользуюсь. А то заусенец сорвал.

Услышав меня, Аптекарь сказал:

— Могу дать пластырь. Водонепроницаемый и дышащий!

— Современный лейкопластырь?!

И действительно, это оказался самый обычный пластырь из аптеки.

— Так у вас и такое есть!

— Конечно. В последнее время столько удобных медикаментов придумали. Вот, к примеру, эластичный бинт. И никаких скрепок не надо. Очень удобно.

— Угу, у нас в больнице его тоже используют. Прилепил — и все, никаких проблем.

Аптекарь и Акине-тян понимающе друг другу кивнули.

Я впервые подумал о том, что даже мир нежити не стоит на месте. И если они лечатся мазью из насекомых, это не значит, что они и сейчас продолжают залеплять рану листиком и обвязывать его вьюнком.

Проснулся спавший, положив голову на Белу, Буся.

— А-а, Бусенок! Проснулся, мой маленький? Держи новенькую конфеточку! — Аптекарь поменял старую Бусину карамель на палочке в виде плоской спирали на новую, круглую, красивого рубинового цвета. Буся тут же принялся облизывать подарок. Бела присоединилась к нему сбоку.

— Это, так сказать, духовная энергетическая добавка. Помогает поддерживать духовное тело в равновесии.

— Ух ты, и такое есть!

Не успел я вернуться после полугодового отсутствия, как у меня с глаз спала очередная пелена.

«У тебя впереди долгая жизнь в бесконечно огромном мире. Позволь себе расслабиться», — вспомнились мне слова Рю-сана.

— Вы теперь куда, Аптекарь?

— Теперь в Запретный храм к Ура-мёдзин-сама. Наведаюсь в обитель старой Нэкомата-сама.

Аптекарь закинул за спину чемодан.

— Нэкомата — это же... кошка-нежить?

— Только этой уже за тысячу лет перевалило.

— Тысяча лет!

До Запретного храма отсюда всего ничего. Кто бы мог подумать, что там уже тысячу лет живет кошкоподобное сверхъестественное существо... Мир настолько огромен, что даже в расслабленном состоянии устанешь постоянно удивляться.

— Старая Нэкомата-сама — большая охотница до моего «медведеубивца». Для меня большая честь доставлять ей радость.

— Пьющая афродизиак старушенция — тот еще триллер, — расхохотался Художник.

— Постыдитесь, Акира-сан. Речь всего-таки о божестве.

— А на божество действуют афродизиаки? — спросил я у Акинэ-тян.

— Старая Нэкомата-сама умеет обращаться кошкой, так что у нее есть полноценное физическое тело.

— А-а... Хм.

Вроде бы и получил ответ, и в то же время так до конца и не понял.

— На этом я откланиваюсь. Надеюсь на ваше дальнейшее покровительство.

Аптекарь, несколько раз низко поклонившись, ушел.

Вечно в этом Особняке нежити так — взялся из ниоткуда и исчез, только его и видели. На то она и нежить.

Этой ночью мне наверняка приснится его хэнохэномохэдзи-лицо. Готов поспорить.

— Ну что, по рюмочке, по рюмашечке!

— Сакура в полном цвету, предлагаю выпить под ханами!

Двое взрослых с энтузиазмом засуетились. Мы с Акинэ-тян с улыбкой переглянулись. Непьющим детям, видимо, полагалось послушно ожидать обеда в своих комнатах.

Не успел я подняться на второй этаж, как воздух вокруг меня вдруг пошел волнами. Я удивленно замер, и тут совсем рядом с ухом зазвучали напряженные голоса.

— Домовладелец...

— Домовладелец пришел...

— Что, Домовладелец?

— Слышали, Домовладелец пришел...

— А... Арендную плату собирать!

Похоже, Домовладелец зашел в гостиную, потому что до меня донеслись мольбы Поэта и Художника.

— Я только-только из поездки вернулся! Нет у меня при себе крупняка!

— И у меня! Давайте на следующей неделе?♪

И не подумаешь, что это они так с нежитью общаются. Жалко им, видите ли, отдавать двадцать пять тысяч иен.

«Хотя я вот тоже забыл, что сегодня день оплаты...»

Деньги при себе у меня есть, но если отдам их сейчас, на завтра останусь с пустым кошельком. А мы только с Хасэ развлечься собрались! Завтра воскресенье, в банкомате много наличности не снимешь. Нет уж, так дело не пойдет!

«Рассчитаюсь с ним как-нибудь в другой раз...»

Я на цыпочках зашел к себе в комнату и запер дверь.

Шарк, шарк, — отчетливо услышал я приближающиеся шаги Домовладельца. Тук-тук, — раздался стук в дверь, но я осознанно его проигнорировал.

Какое-то время было тихо. «Сдался?» — успел подумать я, и в эту же секунду... Чавк-чавк, — донесся до ушей странный звук.

«Что это такое?» — я завертел головой. Одновременно с этим дверь мелко задрожала.

Тут до меня дошло. Опустив взгляд, я увидел, как в узкую, не больше пяти миллиметров в ширину, щелку между дверью и полом пытается пролезть Домовладелец. Я вскочил, как током ударенный.

— А-а-а!!! Простите, извините! Я заплачу! Я все заплачу, только, пожалуйста, не входите там!!!

Домовладелец усадил меня в позу сэйдза и завел долгую поучительную лекцию, в течение которой я то и дело вздрагивал, вспоминая, как его тело превратилось в подобие черного мягкого теста.

— Дурачок ты. Нашел перед кем притворяться, что тебя дома нет, — уже в столовой добавила в мою копилку упреков Акинэ-тян.

— Мне очень стыдно.

До уровня Поэта и Художника мне явно еще очень далеко.

Эти двое хулиганов-съемщиков все это время наслаждались в гостиной ханами под саке. Но и нас, непьющих детей, ждало угощение. Рурико-сан приготовила привезенную Художником собу сразу в двух вариациях. Соба в густом бульоне с креветочными фрикадельками и соба с жареными во фритюре кальмаром и весенними овощами. И то, и то она накладывала в небольшие тарелки, и можно было сколько угодно просить добавки. А в дополнение к основному блюду предлагались симпатичные круглые суши, всего их было три вида: с морским окунем, с лососем и с освежающе-кислым маринованным дайконом.

— Как красиво! Загляденье!

— Как вкусно!!!

Мы с Акинэ-тян будто превратились в участников соревнования «Кто больше собы съест?» (особенно это касалось Акинэ-тян). Поэт и Художник, пока мы не успели умять все подчистую, оставили на время рюмки и подключились к поеданию лапши.

— М-м, этот соус прямо втягивается в рот вместе с собой, потрясающе!

— И панировка просто супер! Так хрустит!

Это произошло в самый разгар наших восторгов кулинарному мастерству Рурико-сан. Со стороны входа в столовую раздался мощный грохот.

Перевожу туда взгляд и вижу незнакомого мужчину в круглых очках и с высветленными волосами до плеч. Поношенные джинсы и джинсовая рубашка, светло-коричневый пояс с серебряной пряжкой, браслет и кулон из синих камней. Неухоженная клокастая поросль над верхней губой и на подбородке и смятый окурок во рту дополняли образ человека, которого бы в конце прошлого века посчитали бездомным, а сегодня сочли бы за уличного артиста. Он напоминал тех ребят, что продают картины и дешевые аксессуары на обочинах торговых улиц. И он крупно трясся.

— А-а! Букинист! — воскликнула Акинэ-тян.

— О-о, ты живой?!

— Сколько прошло, год? Больше? Ну ты запропал!

Судя по всему, это был еще один обитатель общежития. Путешествовал он, что ли? Тот грохот, кстати, был порожден упавшим на пол потертым чемоданом.

«Букинист» возвел глаза к потолку и издал душераздирающий вопль:

— Аромат бульо-о-она!!!

Затем подскочил к нашему столу, окинул взглядом тарелки и продолжил голосить:

— Со-о-оба!!! Су-у-уши! Японская еда-а-а!!!

После чего без сил рухнул на стул.

Рурико-сан поставила перед Букинистом, с завидной скоростью расправляющимся с собой и суши, тарелку с тушеным дайконом и филе желтохвоста. Тот схватил ее руку и принялся осыпать ее поцелуями.

— Ты лучше всех, Рурико-тян! Всех-всех-всех! Лучше тебя нет повара во всем мире! Ты не

представляешь, как я тосковал эти полтора года по твоей еде! А рис есть? Настоящий рис! Риса мне тоже! И чего-нибудь мариновенького!

Рурико-сан радостно потерла пальцы.

— Нельзя столько есть за раз, вам плохо станет, Букинист, — попыталась воззвать к его разуму Акинэ-тян, но Букинист лишь закатил глаза.

— Пусть будет плохо! Но сегодня я набью желудок этой вкуснейшей едой до отвала!

— Ты где был-то? — спросил, выпив залпом рюмку саке, Художник.

Букинист с вожделением за ним наблюдал.

— Болтался между Африкой и Ближним Востоком. И все сплошь по деревням! Естественно, о японской, да и вообще о хоть какой-нибудь вкусной еде не приходилось и мечтать! А-ах, я б тоже от саке не отказался...

Рурико-сан вернулась с исходящим паром только что сваренным рисом, маринованными капустой и огурцами и вареными кусочками желтохвоста. Букинист смел все это подчистую, даже косточки не оставил.

— Рурико-сан, а рис еще остался? — спросила Акинэ-тян. Аппетит Букиниста, похоже, оказался заразителен. Куда ей еще?!

— Раз вас зовут Букинистом, значит, вы торгуете старыми книгами?

На мой вопрос Букинист с набитым рисом ртом энергично закивал.

— Какую книгу в этот раз искал? — поинтересовался Поэт.

Букинист громко, прямо как в манге, сглотнул пережеванное и рассказал:

— До меня дошел слух о некоей «Черной Марии», книге заклинаний, основанных на смеси раннего христианства и местных африканских верований, ну я и отправился собирать о ней информацию в том районе. «Черной Марии» в итоге не нашел. Но приобрел много других интересных вещей. «Свитки Мертвого моря», например, или «Книга поиска», или «Многоописания».

Я удивился, услышав знакомые названия.

— Но... Это же, кажется, знаменитые магические книги, только неизвестно наверняка, существуют они на самом деле или...

Под круглыми очками Букиниста расцвела заговорщицкая улыбка.

— Еще как существуют. «Некрономикон» тоже существует. Только обычным путем его не достать.♪

Он правда сейчас сказал «Некрономикон»?! Так, все, с ним однозначно нужно держать ухо востро! Может, он из того же теста, что Антиквар? На вид обычный мужчина лет тридцати, но действительно ли он человек — это еще большой вопрос!

Как и обещал, Букинист наелся еды Рурико-сан так, что живот раздулся, и лишь тогда он наконец оторвался от тарелок.

— А-а-ах... японский чай... какая же вкуснота!..

После чего он окинул меня долгим взглядом и спросил:

— Ты кто?

Главное, вовремя!

— Новенький, Юси Инаба-кун. Учащийся второго класса бизнес-колледжа Дзёто. Юси-кун — большой книголюб. Думаю, вы найдете общий язык.

Общий язык? С ним? Что-то сомневаюсь, и вообще как-то не хочется.

— Букинист ведь стал таким по большей части как раз из-за любви к книгам.

— Ладно тебе, ха-ха-ха-ха! Не смущай меня! — Букинист почесал затылок.

У меня не хватило духа уточнить у Поэта, что он конкретно имел в виду под «таким». И я решил оставить эту тему.

— Э-эх... Счастье. Как хорошо быть японцем!

Ага, так он японец. Из-за нейтральной одежды и речи я поначалу не был в этом уверен. Каким

он, интересно, был раньше?

Но если подумать, путешествовать по всему свету в погоне за легендарными книгами и редкими фолиантами — был в этом какой-то оттенок романтики. Хотя я бы так жить точно не смог.

Поэт указал пальцем на чемодан Букиниста и спросил:

— Есть что-нибудь интересное?

Букинист открыл чемодан. Внутри плотными рядами теснились книги. То-то он с таким грохотом ударился об пол. Все, в том числе Художник и Акинэ-тян, ведомые любопытством, собрались вокруг.

Корешки с надписями на разных языках. Древние потертые фолианты в кожаных переплетах соседствуют вразнобой с современными томиками в мягкой обложке. Получается, этот чемодан — своеобразный прилавок Букиниста. Но сколько ни пихай, все равно больше определенного количества книг в него не поместится, засомневался я... Или здесь какой-то трюк?

— «Иллюстрированный кодекс Войнич» — редчайшая редкость. Считается, что это копия работы философа Роджера Бэкона, жившего в тринадцатом веке, обнаруженная букинистом Войничем в какой-то церкви в 1912 году. Вот только на одной из иллюстраций можно узнать подсолнух, который завезли в Европу лишь в пятнадцатом веке, а еще здесь есть схема оплодотворения сперматозоидом яйцеклетки, о существовании оных в то время, естественно, понятия не имели, и рисунок галактики Андромеды!

— И как этот Роджер Бэкон мог знать о подсолнухе и Андромеде?

— Это загадка, поэтому-то эта книга и считается редкостью, — довольно улыбнулся Букинист.

— О-о! Это же оригинал «Венеры в мехах»!

— О! «Сто двадцать дней Содома»!

Обнаружившие что-то интересное для себя Поэт и Художник, не спрашивая разрешения, набросились на содержимое чемодана.

— Эй, учтите, только почитать! Если не собираетесь покупать, не забудьте вернуть!

Акинэ-тян, разглядывающая книжные ряды, нахмурилась.

— Я что-то чувствую. Опять что-то странное принесли?

— В смысле «странное»? — удивился я.

— Книги легко впитывают в себя мысли и чувства, потому что по сути являются скоплением несущих в себе смысл слов. Особенно это касается магических книг. А старые книги — тем более. Их ведь на самом деле использовали.

Пока она мне все это объясняла, Акинэ-тян водила рукой над корешками, точно что-то искала, а затем решительно вытащила откуда-то из центра один том.

— Что это?

Это была небольшая, размером с толковый словарь, тоненькая книжка в темно-красной кожаной обложке. На каждой странице было по изображению, над ними стояли числа, от «1» до «21», а над самой последней иллюстрацией был «0».

— Карты Таро?

То были изображения двадцати двух гадальных карт, широко известных на Западе. «Единица» — Маг, «тринадцать» — Смерть, «пятнадцать» — Дьявол, «девятнадцать» — Солнце и так далее.

Карты Таро давно используют в Европе для гаданий, и на самом деле всего их семьдесят восемь. Пятьдесят шесть карт младших арканов и двадцать две — старших, причем младшие послужили основой для создания современной колоды обычных игральных карт. Те карты, что были изображены в книге, по всей видимости, относились к старшим арканам. Я слышал, среди карт Таро встречаются такие, что представляют настоящую художественную ценность, может, это тоже какой-то альбом репродукций?

— Названия какие-то неправильные.

— Неправильные?

— Если это карты Таро, то «единица» — это Маг, так? На иллюстрации действительно нарисован маг, но подпись какая-то странная.

Действительно, я впервые видел такие буквы. Букинист почесал голову.

— Мне ее всучили на сдачу на каком-то книжном развале. Я, кстати, тоже решил, что это альбом. Ничего опасного не заметил.

Акинэ-тян, кивая в такт его словам, внимательно изучала книгу. Остальные молча за ней наблюдали.

Наконец она подняла голову и сказала:

— Букинист, думаю, на этой книге печать.

— Ага!..

— Что еще за печать?

— В этой книге заключена какая-то сила. Но нечто сдерживает ее внутри, поэтому надписи на иллюстрациях нельзя прочитать.

— Магическая книга! Настоящая!..

На мой взгляд, это был самый обычный альбом, но у меня все равно от возбуждения быстро забило сердце.

— Ничего себе! Вот поэтому я никогда не оставлю эту профессию! — Букинист в восторге хлопнул себя по колену. Поэт и Художник тоже улыбались.

— Вот тебе еще одна неожиданная находка.

— Что вы теперь с этим будете делать? — спросил я.

Букинист взял из рук Акинэ-тян книгу и хитро улыбнулся.

— Связываться с подобными произведениями — себе дороже, но коллекционеры готовы выложить за них большие деньги.♪

— И... насколько большие?

— Очень и очень большие.

С этими словами Букинист послал Акинэ-тян воздушный поцелуй.

— Фэнкс, Акинэ-тян! Я обязан твоему радару!

Но Акинэ-тян одним ловким движением отобрала у него книгу и решительно заявила:

— Благодарить пока рано, Букинист. Сначала я узнаю у Фудзююки-сэнсэя, правда ли ее можно продавать.♪

Улыбнувшись на прощанье, Акинэ-тян покинула гостиную, чтобы собраться на работу в больницу. Книгу она унесла с собой, зажав под локтем.

— А-а...

Букинист проводил ее полным тоски взглядом. Мы все расхохотались.

Фудзююки-сэнсэй, кстати, — это нынешний наставник экстрасенсорных способностей Акинэ-тян и заведующий «отделением нежити» в больнице Цукиноки.

Рурико-сан принесла домашние ёмогимоти. По-весеннему ярко-зеленая, с пряным травяным запахом оболочка из моти и сладчайшая начинка из бобовой пасты. Под ароматный гречишный чай уписывать их — одно удовольствие.

Наслаждаясь традиционными сладостями, я слушал рассказы Букиниста о его путешествиях и занимательные истории о книгах.

— Хотя нам, японцам, это сложно представить, но в Англии оккультизм в порядке вещей, у них не просто есть официальная профессия мага, они еще и занимают важное положение в обществе. Поэтому магические книги там практически не издаются. Издательства против. Там на полном серьезе верят, что написанное в таких книгах имеет особую силу. Вот они и отправляют их на печать в Японию.

— Да ну!

— Был у них такой маг, Алистер Кроули, так он свою магическую книгу печатал в Японии. И прошло это не без инцидентов. Один за другим стали являться экстрасенсы с предупреждениями, что это «плохая книга, и нельзя ее издавать», и в самой типографии начали происходить всякие странности и несчастные случаи.

— Так ее все-таки издали?

— Издали. Вот у меня один экземпляр.

— А ничего, что вы ее с собой носите?

— Обладай я необходимой силой, может, она бы и начала что-нибудь этакое вытворять, а так никаких проблем. Главное, не верить в ее возможности.

Внутри этой магической книги были сплошь какие-то уравнения, прямо учебник по высшей математике какой-то.

— Ничего не понимаю.

— Так ты не специалист, — улыбнулся Букинист.

Тогда понятно. Для ничего не смыслящего в физике труды по ней тоже должны казаться полной абракадаброй. Тут тот же принцип.

— Слышал о мифах Ктулху?

— А-а, по произведениям Лавкрафта? Кажется, потом еще много кто писал по мотивам его ужасиков.

— Именно. В мифах Ктулху фигурируют многие чудовища. А в качестве доказательства, что они на самом деле существуют, в этом первом оригинальном издании описывается способ их призыва.

— Да неужели?

В ответ на мою недоверчивую усмешку Букинист, пожав плечами, улыбнулся и с удовольствием затаился.

— Правдивы ли мифы Ктулху или нет — это вопрос спорный, но это издание действительно хранит в себе особую силу. Запечатать его стоило огромных трудов, знаешь ли. Книги ведь обычно намного могущественнее своих авторов. Правильно я говорю, Рэймэй-сан?

На от природы невинном, точно ребенком нарисованном лице с удовольствием попивающего гречишный чай Поэта появилось еще более невинное выражение, усиленной до крайности невинной же улыбкой. И это при таком-то лице Поэт умудряется сплетать в искусном ритме слов садистскую жестокость и раскрепощенную эротичность. Я слышал, среди его почитателей есть и такие, кто так и не смог высвободиться из пленительных объятий его источающих тьму строк и оказался навсегда потерян для общества.

— Не без этого. Потому что книги — это обретшие форму слова. Бывает так, что в миг, когда мысли переносятся на бумагу, они превращаются в нечто совершенно иное.

Чудеса. Слова, покинув своего автора и обретя форму, становятся чем-то иным. И автор никак не может этому помешать. Даже такой опытный писатель, как Поэт. А может, дело как раз в его опытности.

— Напечатанные слова таят в себе загадку, еще большую, чем картины или скульптуры, — заметил растянувшийся на полу и регулярно подливавший себе sake Художник. — Взять, к примеру, «Венеру Милосскую». Будь у нее на месте обе руки, вызывала бы она столько восхищения? Эта скульптура так привлекает внимание, потому что заставляет работать воображение: «А какой она была изначально?». Так и печатное слово, самое интересное — это представлять, что ими описывается.

А ведь правда. Пока я, так сказать, вынужденно сосуществовал в одном доме с родственниками, моей единственной отдушиной было чтение. Не существовало для меня большей радости, чем окунуться в мир книг. Там я мог стать кем угодно. Искателем приключений, воином, преследующим серийного убийцу детективом. В какие только миры я не отправлялся. Точно. Больше всего мне нравилось уходить в своем воображении далеко за пределы описанного в книгах.

Думаю, найдется немало людей, которые, прочитав в этой магической книге о «способе призыва чудовища», на самом деле уверятся, что это возможно. И кто знает, вдруг среди них отыщется тот самый человек, которому это действительно удастся.

— В этот состоит главная опасность книг. Они служат катализатором роста человеческого потенциала.

Кажется, я понимал, о чем речь. Ну да меня это все не касалось. Едва ли мне когда-нибудь приспичит почитать магические книги.

— ...И представляете, только мне в голову мысль закралась, больно все гладко складывается, и тут — на тебе! Мужик оказался!

— Как? Но ведь баба была!

— Баба! Красотка, каких поискать, и с фигурой просто отпад! Тоненькие ключицы, грудь во-о-от такая, ноги от ушей!

— Но когда она разделась, обнаружилось кое-что лишнее, да?

Поэт с Художником загоготали.

— Не просто лишнее! Огромное лишнее!!!

— Гха-ха-ха-ха-ха!

— И он еще активным оказался! Хуже не придумаешь!

— Уа-а, жуть!

— И что? Отдал задницу на заклятие?

— Ага, щаз! Разбил окно и смылся! Так и несся по Бродвею с чемоданом и в одних трусах!

— Гха-ха-ха-ха-ха!

Все, схватившись за животы, покатались со смеху. Так до самого ужина мы и веселились, слушая забавные байки.

Ужин того же дня. В честь возвращения Букиниста Рурико-сан устроила настоящий японский пир.

Сашими из красного пагра и он же жареный в соли, обжаренные в соевом соусе морские ушки, пареная до янтарного цвета репа, корюшка в панировке, приготовленные на пару рыбные шарики с полынью, маринованные папоротник и белокопытник, свежая фучжу с соцветиями полевой капусты — не стол, а настоящее весеннее буйство. А камамэси с курицей и рис с лососем и зеленым чаем стали для Букиниста контрольным выстрелом.

— Весне — весеннее настроение! О, эта нежность во всем своем проявлении, мои глаза, мой нос, мой язык тают от блаженства! А-ах, как хорошо родиться японцем!

Сашими из красного пагра вперемешку с кусочками осьминога и гребешками были аккуратно разложены на слое мелко колотого льда, прикрытого листьями сакуры, и украшены цветами вишни. Поверх пареной репы были рассыпаны одуванчики, притягивающие взгляд своим сочным желтым цветом. По-весеннему зеленые рыбные шарики с полынью украшала золотистая фольга. Все продумано до мелочей. Сразу видно настоящий традиционный японский стол.

Сато-сан, Ямада-сан и Мариико-сан тоже обрадовались возвращению Букиниста и вместе со всеми выпили sake в его честь. Этим вечером в столовой царило особенное оживление.

С приближением ночи Особняк нежити наполняется потусторонним присутствием, днем практически неоощуаемым. То там, то здесь в темноте что-то скребется или шуршит. В воздухе прибавляется парящих и летающих существ. В гостиной за ширмой начинается раунд маджонга. В коридоре перемещаются размытые тени.

Да, это оно. То самое чувство. И его мне тоже не хватало. Я успел соскучиться даже по всем этим далеким от моего понимания сверхъестественным существам.

— Кстати, ты ведь тоже только вернулся после полугодичного отсутствия, — с таким же, как у меня самого, выражением ностальгии на лице заметил Букинист, когда мы спускались к подземному термальному источнику.

Я смущенно почесал голову.

— Почему вернулся?

— М-мне... было одиноко без всего этого, — ответил я и тут же густо покраснел. Кто меня за язык тянул, соврать что-нибудь не мог, дубина?! Но Букинист не стал смеяться.

— Здесь здорово, скажи же.

Я, не колеблясь, кивнул. Наверняка все обитатели особняка считают так же.

— О! Это же медальон с волосом Рю-сана! Что, Антиквар всучил?! — засмеялся Букинист, заметив уже в раздевалке медальон у меня на шее. По словам Антиквара, это был один из самых ходовых его товаров: под кристаллом-крышкой прятался волос Рю-сана (добытый, правда, без согласия непосредственного владельца), который, как считается, хранит в себе частицу его духовной энергии.

— Антиквар подарил на память, когда я съезжал из особняка. Теперь при следующей встрече, наверное, потребует вернуть.

— Ха-ха-ха! Скорее бы повидать Рю-сана и Антиквара!

Погрузившись по шею в бассейн с термальной водой, мы хором громко застонали:

— А-а-ах, блаженство!!!

Вкусная еда, веселая компания, смотрящая на юг комната, термальный источник в подвале.

Если это не блаженство, то я ничего не понимаю в жизни. Мы оба от всей души радовались возвращению в эту райскую обитель. И тут...

— Хаюшки!

В ванную с Бусей на руках как ни в чем не бывало зашла совершенно голая Марико-сан. Мы с Букинистом немедленно выскочили из бассейна.

— Эй!!!

— Марико-тян! Прекрати заходить в мужскую ванную!

— Так у вас просторнее! Правда же, Бусенок?

Марико-сан уже давно привидение, поэтому успела позабыть весь женский стыд. Но с нами, пока еще живыми, не все так просто. Блаженство блаженством, но подобный сервис — это все-таки немного перебор. Мы в панике ринулись вон из ванной.

— Ох уже эта Марико-тян, вечно она!

— Скажите же, когда перед тобой такие обалденные формы, уже как-то не до того, привидение это или нет!

Но Букинист неожиданно помотал головой.

— Рю-сана, например, это вообще никак не трогает. Может, потому что он экстрасенс, вот и запросто разграничивает привидений и людей, не знаю, но вся его реакция ограничивается пожатием плеч и чем-то вроде: «Так она же не живая».

— Круто!

Интересно, это плоды его долгих духовных тренировок? Или просто успел привыкнуть? Как бы то ни было, что за поразительная стойкость духа!

— Ну, спокойной ночи!

Попрощавшись с Букинистом, я вернулся к себе в комнату.

Стоило мне улечься, и тело буквально вдавило в futon от переутомления. Сегодня выдался очень долгий день. Хотя вчера из-за переизбытка счастья я совсем не чувствовал усталости. Но настроение все равно отличное. Я познакомился с еще одним соседом.

Завтра мы с Хасэ собираемся прокатиться на его мотоцикле. Наверняка он тоже рад за меня, что я вернулся в особняк.

Как бы мне хотелось когда-нибудь пригласить его сюда. Что он подумает? Удивится, конечно, но только ли?.. Под эти размышления я незаметно уснул.

<http://tl.rulate.ru/book/98654/3344795>